

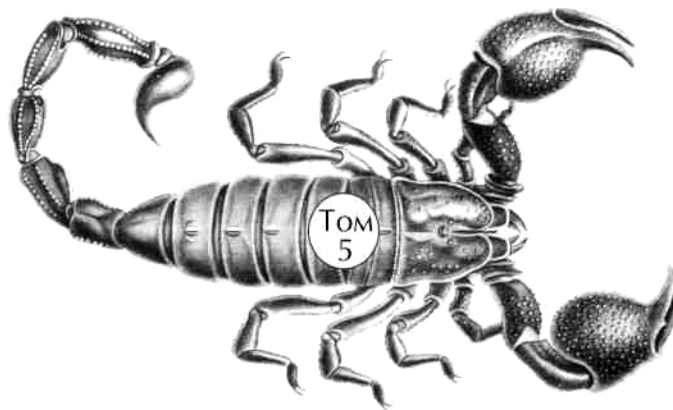

PER ASPERA AD ASTRA!

29 ОКТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА КУДЕРСКОГО, доктора биологических наук, профессора, академика РАЕН, академика Российской экологической академии, Международной академии информатизации, члена президиума Межведомственной Ихтиологической комиссии, Гидробиологического общества РАН; заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника рыбного хозяйства России.

К юбилею подготовлен 5-й том сборника работ «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИХТИОЛОГИИ, РЫБНОМУ ХОЗЯЙСТВУ И СМЕЖНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ». Книга завершает серию работ Л.А. Кудерского в области ихтиологии и рыбного хозяйства, изданных в 2011, 2012, 2013 и 2015 гг. В этот выпуск включены: монография «Динамика стад промысловых рыб внутренних водоёмов», статья «Соотношение возраста кульминации ихтиомассы и массовой половой зрелости в поколениях промысловых рыб» (материалы, не вошедшие в монографию) и сводный отчёт по проекту «Экология России».

Сборник предваряют воспоминания о Леониде Александровиче академика РАН В.А. Румянцева и доктора биологических наук, профессора А.А. Лукина.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕОНИДЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ КУДЕРСКОМ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ УЧЁНОМ И ЧЕЛОВЕКЕ

С Леонидом Александровичем Кудерским я познакомился в 1982 году в приёмной городского то ли партийного, то ли административного функционера, куда пришёл на совещание по вопросу охраны окружающей среды. В приёмной было человека четыре, и среди них Л.А. Мы поздоровались и представились друг другу. Л.А. мне внешне напомнил одного из комиссаров полиции — героя детективных романов Ж. Сименона, но только в русском исполнении. Он был среднего роста, коренастый, с слегка простодушно мудрым лицом и спокойными глазами с нависающими над ними густыми бровями. Почти сразу как мы познакомились, нас пригласили в кабинет, и мы приступили к обсуждению какого-то вопроса, по которому у всех имелось определённые расхождения во взглядах. Я обратил внимание на то, что Л.А., отстаивал свою точку зрения, говорил неспешно и не громко, пытаясь убедить своих оппонентов не голосом, а содержанием своих аргументов, усиливая их лёгкой жестикуляцией правой руки. После завершения затянувшегося совещания мы вышли и обменялись визитными карточками, договорившись в случае возникновения подобных вопросов обмениваться предварительно телефонными звонками. Так у меня состоялось очное знакомство с Л.А., который в то время был директором ГосНИОРХа. Ранее я знал Л.А. только по опубликованным им работам, но так как сам занимался другой специальностью, то слишком глубоко в них не влезал и представление о нём как учёном имел лишь из оценок других более близких ему по специальности людей.

Позже мы регулярно встречались с ним на различных конференциях, симпозиумах, совещаниях по проблемам Балтийского моря, Финского залива, Ладожского озера и других водоёмов как у нас в стране, так и за рубежом, на которых сами часто выступали с докладами. Мне было приятно, что по большинству позиций наши представления с ним совпадали и в силу этого постепенно отношения приняли доверительный характер.

В 1989 г. в разгар перестройки появилось множество людей, которые своим долгом считали «обливать грязью» по любому поводу всех и всё, что делалось в стране. В Ленинграде таким объектом нападков стали строящиеся в Невской губе защитные сооружения от наводнений. Появилось множество статей в прессе, авторы которых беспелляционно утверждали, что сооружения приведут к экологической катастрофе и требовали прекратить строительство, а то, что уже было построено, просто взорвать. В связи с тем, что обстановка накалялась по решению Президиума Ленинградского научного центра АН СССР была создана специальная экспертная комиссия, в которой я был назначен председателем. Когда я формировал состав комиссии, чтобы охватить все направления я включил в неё ведущих учёных города из различных научных организаций. Л.А. дал согласие участвовать в работе комиссии и дать свое заключение о влиянии защитных сооружений на рыбные запасы в Невской губе. О составе комиссии было широко объявлено в прессе и тут началось невообразимое. Членам комиссии стали приходить письма и раздавались звонки по телефону с угрозами им и членам их семей, если они не дадут заключение о необходимости прекращения строительства. И когда комиссия собралась первый раз в Управлении Ленморзащиты, некоторые члены комиссии, опасаясь за членов своих семей, взяли самоотвод. Из-за этого оставшимся членам комиссии пришлось заниматься не только записанными за ними узкими вопросами, но и принимать участие в рассмотрении остальных. Мы в течение четырёх месяцев непрерывной работы изучали материалы всех проведённых ранее исследований и неоднократно посещали все строящиеся объекты. Весь период экспертизы Л.А., несмотря на свою занятость по основной работе, не пропустил ни одного нашего заседания и ни одного выезда. Он не только подготовил обстоятельное заключение по своему направлению, но принимал самое активное участие в работе над рядом других разделов. Здесь очень полезной оказалась широта его взглядов и знаний. По существу он стал одним из основных авторов нашего заключения, которое было одобрено Президиумом Ленинградского научного центра АН СССР и направлено в соответствующие вышестоящие организации. Спустя несколько месяцев, была проведена международная экспертиза защитных сооружений, в которой участвовали ведущие специалисты из Голландии, Германии и других стран. Нам всем было очень приятно, что она полностью подтвердила правильность выводов нашей комиссии.

В результате многочисленных контактов с Леонидом Александровичем у меня сложилось о нём впечатление как о человеке очень серьёзном и в принципиальных вопросах бескомпромиссном. Эти очень важные для любого человека качества характера сыграли в судьбе Л.А. «роковую» роль. У него возник конфликт с партийным руководством города, и под их нажимом он был вынужден оставить пост директора института, которым успешно руководил в течение долгих 25-ти лет. Узнав об этом, я предложил Л.А. перейти в Институт озераведения АН СССР, который ихтиологией в чистом виде не занимался, поэтому переход требовал от Л.А. некоторого расширения его научной деятельности. Я, понимая высочайший уровень Л.А. как признанного в мире лидера в ихтиологии, считал вредным для науки разрыв его связей с ГосНИОРХом и пообещал, что буду всячески поддерживать его контакты с прежней организацией.

После достаточно долгих колебаний, размышлений и переговоров Леонид Александрович дал согласие и с 1994 года до конца своих дней работал в должности главного научного сотрудника в Институте озераведения Российской академии наук.

Учитывая огромный опыт работы Л.А. на посту руководителя, я стал его регулярно привлекать на заседания дирекции, нередко советовался с ним по разным животрепещущим вопросам научной и административной деятельности. Времена для науки наступили очень трудные, Институт оказался в полном безденежье и советы Л.А. для меня были очень важны и полезны. Общаясь с Л.А., я все больше узнавал его и о некоторых своих впечатлениях о нём хотел бы кратко сказать в этих воспоминаниях.

Прежде всего, я понял, что Л.А. Кудерский был человеком «божьей искры», блестящим учёным не только в ихтиологии, но и в других областях науки — гидробиологии, палеогеографии, экологии, охране окружающей среды и некоторых других. Он был неутомимым «наукоголиком» и круг его научных интересов был необычайно широк. В этом я убедился, когда небольшой группой, в которую кроме меня и Л.А. входили такие крупные учёные как географ профессор Александр Петрович Алхименко и юрист профессор Иван Абрамович Соболев, ныне покойные, по собственной инициативе работали над проектом Федерального закона «Об охране Ладожского озера». Мы два-три раза в неделю собирались у меня в кабинете и работали с 16 до 20–21 часа. Каждый раз все приходило со своими мыслями и конкретными предложениями, и мы их по очереди обсуждали. Атмосфера сложилась очень приятная, все высказывались свободно, и когда какое-нибудь предложение большинством не принималось, никто ни на кого не обижался. Во время коротких перерывов мы пили чай, несколько раз и более крепкие напитки. Во время перерывов разговор заходил о географии или истории страны, о современных внутренних или международных проблемах. И меня удивило, как Л.А. хорошо разбирается в этих вопросах и имеет своё мнение, которое нередко расходилось с общепринятым. Иногда возникали споры, и мне всегда импонировало, как Л.А. спокойным и свойственным только ему вкрадчивым голосом доносил свою позицию и убеждал в её правоте. Круг поднимаемых вопросов был достаточно широк и Л.А. показал себя очень разносторонним и широко эрудированным человеком.

К сожалению, к подготовленному нами проекту закона о Ладоге судьба не была благосклонна. Проект закона был единогласно одобрен Законодательными собраниями субъектов РФ, расположенных на территории ладожского бассейна, а затем и Комитетом по экологии Государственной думы. При этом Комитет Госдумы взял на себя обязательство подготовить экономическую справку о расходах, которые потребуются на его реализацию. Когда наступило время первого чтения проекта закона в Госдуме, этой справки не оказалось, и проект был снят с последующего рассмотрения. Да и Комитета уже не было, в Думе заседали депутаты нового созыва.

После нас инициативу по разработке проекта Федерального закона по Ладоге брали на себя депутаты законодательных собраний Санкт-Петербурга, Карелии, Ленинградской области. Главные положения нашего проекта об охране Ладоги они в свои проекты закона не включали, а основное внимание уделяли только вопросам распределения средств между Федерацией и её субъектами. Мы с Л.А. каждый раз возражали против такой узкой трактовки закона, но наши замечания в расчёт не принимались. В итоге подготовленные законодательными собраниями проекты закона каждый раз отклонялись профильными комитетами Госдумы.

Л.А. был человеком чрезвычайно обязательным и ответственным. Как-то раз к нам пришло письмо из президиума РАН, в котором Институт попросили дать предложения по реформированию Академии. Я этот вопрос вынес на учёный совет Института и попросил всех членов подумать на эту тему. Когда я снова собрал совет, чтобы выработать единую позицию по данному вопросу, то оказалось, что единственным человеком, который дал свои предложения, был Л.А. За короткое время он просмотрел всю структуру организаций РАН и поставил вопрос о необходимости сократить количество находящихся на балансе РАН многочисленных ботанических садов, передав большую часть из них на баланс субъектов РФ. Кроме того, он предложил закрыть институты, в которых работает 5–10 человек, из которых только один или два имели учёную степень. К сожалению, эти разумные предложения не получили поддержки в РАН. За ботанические сады встало биологическое отделение, а за сохранение институтов выступили руководители республик, областей и городов. Наука их совершенно не интересовала, но наличие на своей территории академического института они считали для себя очень престижным. И только в наше время, когда по инициативе руководства страны осуществляется реорганизация Российской академии наук, предложения Л.А. оказались понятыми, востребованными и частично реализованными.

Мне импонировало то, что Л.А. никогда не терял веру в свои силы и не любил останавливаться на полпути. Это я почувствовал и оценил в 2000 году, когда Институт закончил крупномасштабные работы, результатом которых стало восьмитомное издание «История озёр». В числе десяти основных авторов был и Л.А. Отборное прохождение работ представляло собой очень сложный и длительный процесс. Мы единогласно прошли открытое слушание на географическом факультете МГУ им. Ломоносова и заседания различных экспертных советов и безоговорочно считались фаворитами. Но на заключительном заседании Объединённого совета по госпремиям, в который кроме учёных входили высокие чиновники министерств и ведомств, было принято решение о присуждении премии коллективу учёных под руководством бывшего президента АН СССР, почётного члена Президиума РАН академика Г.И. Марчука. И хотя все члены нашего коллектива знали, что госпремию с первого раза получают крайне редко, я не смог уговорить коллектив на повторную подачу работы на премию в следующем году. Большинство членов говорили, что они либо очень устали и им надо отдохнуть, либо что у них накопились срочные дела, которые нельзя откладывать. Но главное, что я почувствовал, они потеряли веру в себя и возможность получения премии. Единственный из коллектива человек, который меня полностью поддержал, был Л.А.

Спустя три года я познакомился с одним из членов Объединённого совета по госпремиям и он мне задал вопрос: почему мы повторно на неё не подаём и заодно рассказал о причине, по которой нам не дали её в тот раз. Все оказалось до неприличия просто. В том году был юбилей у Г.И. Марчука и члены президиума РАН, которые составляли значительную часть в Объединённом совете, на заседании президиума неофициально договорились поддержать присуждение премии Г.И. Марчуку и его коллективу в качестве подарка к юбилею. Нашу работу, которая всем понравилась, решили поддержать в следующем году.

Я об этой истории рассказал всем членам нашего коллектива, они воодушевились, и мы стали готовить документы на повторное представление работы. Но удача отвернулась от нас. В тот год изменились правила подачи, и на госпремию стали принимать работы числом авторов не более трёх человек. Мы потом с Л.А., когда обращались по работе к этому восьмитомному изданию, то нередко сожалели, что не сумели вовремя вдохнуть уверенность в наших коллег и убедить их в целесообразности повторной подачи документов.

Л.А. обладал огромной эрудицией, и круг интересов его был необычайно широк. Я, будучи директором Института, был вынужден часто ездить в Москву. Там в здании РАН постоянно продаются книги по различным направлениям науки. Однажды я купил интересную книгу и, вернувшись в Питер, рассказал о ней Л.А. и дал ему её почитать. Книга ему очень понравилась и, когда мы обсуждали её, я сказал, что могу купить её для него. Л.А., как человек воспитанный, вначале отказался, сказав, что ему неудобно меня загружать, но после моего повторного предложения выразил благодарность и согласился. После этого я нередко перед поездкой вспоминал о своем обещании и звонил Л.А. Он, каждый раз извиняясь за то, что мне придётся тащить лишний

груз, заказывал определённую книгу. А я каждый раз удивлялся тому, что он внимательно следит за выходом в свет новых научных книг и широте его интересов. Как-то раз по его просьбе я привёз ему книгу о происхождении и истории Мирового океана. Книга была достаточно толстой и содержала около 600 страниц. Примерно через месяц-полтора Л.А. пришёл ко мне и стал подробно говорить о том, что в монографии содержится очень много неточных моментов и неправильных объяснений. Ещё через месяц Л.А. принёс мне статью, в которой он высказал гипотезу, что, в отличие от общепринятого взгляда, первоначально на Земле появился не Мировой океан, а озёра, которые со временем сформировали Мировой океан.

Мне хотелось бы также отметить выдержку Л.А. Как-то мы организовали и проводили в Архангельске большой всесоюзный симпозиум по проблемам озёр. Во время посадки на поезд Л.А. поскользнулся и очень сильно ударился ногой о ступеньку вагона. У него образовалась огромная гематома, и он едва мог наступать на ногу. Но держался он очень мужественно. Отказался от всякой помощи и на вопросы о самочувствии спокойно отвечал «Бывало и хуже». В первый день работы симпозиума он блестяще выступил на пленарном заседании, от предложения председателя сесть и говорить сидя отказался и все время выступал и отвечал на вопросы стоя. После заседания и в последующие дни он принимал участие во всех ознакомительных экскурсиях и полевых выездах, ходил прихрамывая и иногда морщился от боли, но никогда не жаловался и ни от каких поездок не отказывался. И лишь когда мы ехали в поезде домой, он сказал мне, что завтра хотел бы не приходить на работу, «нога побаливает» и он думает сходить к врачу.

Трудолюбие Л. А. и его неукротимое желание работать меня просто поражали. Во время написания одной из своих книг у Л.А. очень сильно болела спина, и он не мог даже сидеть. Но Л.А. не сдался, он нашёл выход: на письменный стол поставил какой-то ящик и стал писать стоя. Таким способом он не только, написал монографию, но и сдал её в срок в издательство. Позже, когда кто-то из сотрудников говорил, что не успевает сдать работу из-за каких-то там причин, я всегда в ответ приводил пример Леонида Александровича, и иногда это помогало.

После того, как я стал членом Академии наук, у меня появилось право выдвигать кандидатов в члены-корреспонденты РАН. Я считал Л.А. достойным этого звания и сказал, что хочу выдвинуть его кандидатуру на предстоящих выборах в РАН. Перед этим я переговорил с рядом членов академии, состоявших в биологическом отделении. Большинство из них хорошо знали Л.А. и сказали, что на выборах они его будут поддерживать. Но Л.А. оказался человеком очень щепетильным и необычайно порядочным. Он ответил, что считает себя специалистом в области ихтиологии и хотел бы быть членом Академии именно по этой специальности. Так как такой вакансии нет, то подавать на другую более широкую специальность он считал себя не вправе. Но в РАН существует позиция объявлять конкурсы под более широкими названиями, увеличивая тем самым число претендентов и конкуренцию на объявленную вакансию. И уже в течение многих лет выборы по специальности «ихтиология» не проходили. Хотя все, как и Л.А., признают, что эта специальность достаточно широкая, но положение с выборами до сих пор не меняется.

Научные доклады Л.А. всегда вызвали большой интерес у аудитории. К ним он основательно готовился, говорил очень доходчиво, стараясь донести до каждого смысл своего доклада. Ему обычно задавали очень много вопросов, на которые он обстоятельно отвечал. Нередко и во время перерывов к нему подходило множество людей, и он увлечённо беседовал с ними, забывая о кофе-брейке или обеде. Это его свойство характера — быть полезным всем, кто нуждается в его советах, в его широчайших познаниях, порождало в людях ответное чувство благодарности и уважения к нему.

За своё стремление честно служить науке и желание помочь людям Леонид Александрович на долгие годы останется в памяти всех, кто знал его и общался с ним. Выполненные им исследовательские работы и полученные на их основе новые научные результаты в ихтиологии являются эталоном для последующих работ и ступенью для перехода на новый уровень познания.

*Научный руководитель Института озероведения РАН,
академик РАН, профессор В.А. Румянцев*

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Л.А. Кудерский — это целая эпоха в рыбохозяйственной отрасли СССР и России. Леонид Александрович 25 лет руководил Государственным научно-исследовательским Институтом озёрного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ). Именно в этот период (60–70-е гг. XX века) Институт достиг своего расцвета и являлся флагманом прикладной ихтиологии. Это было обусловлено тем, что Л.А. Кудерский был не только эффективным управленцем, но и настоящим учёным-ихтиологом, который действительно разбирался в проблемах отрасли и мог реально оценивать перспективность тех или иных направлений.

Свою жизнь Леонид Александрович посвятил изучению замечательной группы животных — рыбообразным и рыбам, научное и практическое значение которых для человечества исключительно велико и незаменимо.

Жизненный путь профессора Л.А. Кудерского нельзя назвать простым и лёгким. Будучи прекрасным докладчиком, Леонид Александрович, тем не менее, неохотно рассказывал о себе. Поневоле подумаешь, что зодиакальные созвездия действительно отражаются на характере человека. Леонид Александрович родился под знаком Скорпиона, часто в разговоре подчеркивал это и, кажется, очень этим гордился. В основном информацию о его детских и юношеских годах можно получить из «Биографических заметок», которые он опубликовал в 2012 г., благодаря настоянию профессора А.П. Алхименко. По этим заметкам можно составить представление о том, как формировался характер замечательного учёного, и что повлияло на выбор им профессионального пути. Профессор не любил говорить о войне, которую встретил в юношеские годы в возрасте 14 лет. В период 1942–1943 гг. он находился в оккупации в г. Ейске Краснодарского края. В этот период он закончил 7 классов и продолжил учёбу до окончания 9-го класса в 1944 г. Затем последовало обучение в Батумском мореходном училище, которое он с отличием окончил в 1947 г. Дальнейший путь получения высшего образования можно назвать весьма извилистым. Цепь непредвиденных случайностей, ряд поворотных моментов при выборе направления исследований, непростые отношения с коллегами характеризуют Л.А. Кудерского как человека чётко осознающего свои желания и стремящегося к намеченной цели, невзирая на обстоятельства. Читая его биографические заметки, понимаешь, что воля и желание позволяют совершать задуманное. Как иначе можно объяснить поразительные факты биографии этого человека. Ехал поступать в Ленинградский университет, а оказался в Петрозаводском. После года обучения на очном отделении стал учителем биологии, географии и химии в отдалённом районе Карелии, продолжая учёбу в Учительском институте на заочном отделении. В итоге за два года сдал экзамены и получил диплом с отличием о педагогическом образовании, которое не являлось высшим, что не позволило ему, уже сотруднику Беломорской биологической станции подняться выше должности лаборанта. Отсутствие заочного отделения в Петрозаводском университете подвигло молодого человека запросить Министерство высшего образования СССР о возможности сдать экзамены экстерном. Разрешение было получено, в результате чего, поступив в университет в 1951 году, Леонид Александрович окончил его с отличием уже в 1953 г. Далее вступительный экзамен в аспирантуру и обучение у профессора И.Ф. Правдина, получение повышенной стипендии и блестящая работа по биологии судака водоёмов Карелии, высокое цитирование которой свидетельствуют о её актуальности и востребованности по сей день. По окончании аспирантуры Леонид Александрович работал младшим научным сотрудником, учёным секретарем Института биологии, а в 1959 г. возглавил Карельское отделение Государственного института озёрного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ). В дальнейшем вся практическая и научная деятельность Леонида Александровича была связана с этим учреждением. Защитив диссертацию в 1963 г., у будущего профессора появилось желание вернуться в академическую науку, а именно в Карельский филиал АН СССР. Однако судьба распорядилась по-своему, и в 1966 г. Леонид Александрович в возрасте 39 лет становится директором головного института (ГосНИОРХ) в г. Ленинграде. Далее трудовая деятельность профессора Л.А. Кудерского вплоть до 1994 г. связана

с питерским ГосНИОРХом, и только после этого Леониду Александровичу удалось осуществить свою мечту более чем 30-летней давности и вернуться в систему Академии наук РФ на должность главного научного сотрудника Института озераедения. Здесь хотелось бы привести высказывание самого Леонида Александровича: «В связи с устойчивой, спокойной обстановкой в Институте «яркие» эпизоды, подобно имевшим место в период административной деятельности в системе ГосНИОРХа, не возникали». Здесь, видимо, речь идёт о совершенно омерзительной травле достойного человека, у которого в 1986 г. отнимают партийный билет, лишают должности директора, не давая возможности перейти на новое место работы. Эти события, произошедшие в канун 60-летнего юбилея, лишний раз доказывают, что все заслуги человека ничего не значат для власть предержащих, и если государственная машина решила с тобой расправиться, то сделает это в одночасье. Удивительно, с каким внешним спокойствием Леонид Александрович держал этот удар, хотя ему, человеку амбициозному, имеющему чувство собственного достоинства, внутренне это, скорее всего, давалось крайне тяжело и вряд ли способствовало укреплению здоровья. В данной ситуации можно гордиться сотрудниками ГосНИОРХа, которые в 1989 г., спустя два года после происходящих событий единогласно избирают Леонида Александровича на должность директора Института. Через несколько месяцев его восстанавливают в партии, что стало символом торжества справедливости, но вряд ли уже было нужно профессору.

После краткого изложения биографии Л.А. Кудерского возникает вопрос, а что же это был за человек. С одной стороны можно решить, что Леонид Александрович — типичный перфекционист, стремящийся все делать только на «отлично», о чём свидетельствуют многочисленные дипломы с отличием. Но это вряд ли! Тройка по немецкому языку, который он не любил, в седьмом классе, гауптвахта в мореходном училище и «самоволка», неподчинение начальству на Беломорской станции свидетельствуют об обратном. Он был прагматиком и педантом, склонным доверять собственной интуиции, что позволяло ему быть успешным администратором и увлекающимся учёным в области практической ихтиологии. Для Л.А. Кудерского всегда было важно понимать конечную цель своего труда. Я познакомился с Леонидом Александровичем в 1984 г. Это был период его увлечения миногами. Мне показалось, что любой разговор в то время с людьми, в большом количестве приезжающими в ГосНИОРХ из разных уголков Советского Союза, всегда заканчивался одним вопросом: «А минога у Вас есть, и если есть, то какая?». Когда выяснилось, что на Кольском полуострове минога есть, но непонятно какая, и что мне лично факт её наличия глубоко безразличен, я мгновенно нарвался на лекцию, в которой лейтмотивом звучала идея изучения и сохранения биологического разнообразия, без которого невозможно существование рыбохозяйственной науки. Ближайшие несколько лет Леонид Александрович идентифицировал меня как человека, способного привезти ему миногу с Кольского полуострова. Складывалось впечатление, будто я этой миногой занимаюсь не только на рабочем месте, но и в свободное от работы время. Миногу я Леониду Александровичу привез. Однако профессор казался удивлённым на моей защите кандидатской диссертации, в связи с тем, что о миноге не было сказано ни слова. В последствии наши отношения переросли, скорее, в приятельские. Мне казалось, что Леонид Александрович очень закрытый человек и мало кого подпускал к себе достаточно близко. Однако люди, его знавшие, отмечали, если Леонид Александрович был в ударе, он становился душой компании, абсолютно обаятельнейшим человеком с прекрасным чувством юмора. Захожу как-то в Межведомственную Ихтиологическую Комиссию, что на Тверской, 27, в Москве. Стоит ящик коньяка, рядом Л.А. Кудерский. Собрание посвящено проблемам охраны природы на о. Сахалин в связи с разработкой нефтегазового месторождения. Один из вопросов — сохранение западной северо-тихоокеанской популяции южного кита, который своей ежегодной миграцией создает проблемы нефтяникам. Спрашиваю Леонида Александровича: «Коньяк зачем?». С каменным лицом отвечает: «Нефтянка по южному киту тризну справляет». А далее с улыбкой берет бутылку коньяка: «Ну и мы за здоровье, выпьем!». «Кого?» — спрашиваю. — «Нефтяников?». «Нет, китов, — они лучше!».

Мне кажется, много говорить о вкладе Л.А. Кудерского в рыбохозяйственную ихтиологию в этой короткой заметке не имеет смысла, так как специалисты, работающие в этой области, хорошо знакомы с его работами. В первую очередь, это разработка теоретических основ ведущих направлений рыбохозяйственного производства и рыбного хозяйства в целом, во-вторых, создание условий для реализации разработок ГосНИОРХа на практике.

Подводя итог вышеизложенному, мне хотелось бы обратиться к оценке деятельности Леонида Александровича, которую он сам высказал, резюмируя достижения в своей административной и научной работе. Как настоящий педант (в хорошем смысле этого слова), он распределил эту работу по двум полкам, на одной из которых лежат административные, на другой — научно-исследовательские достижения. А дальше прямая речь Л.А. Кудерского. «Итоги содержимого каждой из полок по конечным последствиям существенно разошлись. Скопившиеся на первой полке — в немалом количестве административные достижения (безусловно послужившие на благо рыбохозяйственной отрасли) просуществовали недолго и оказались почти полностью и мгновенно перечеркнуты реформами 90-х гг. прошлого столетия, когда плановая экономика страны внезапно стала перестраиваться на рыночный лад. Поэтому, ограничив деятельность только административными интересами, я оказался бы, фигурально выражаясь у «разбитого корыта». Этого не произошло, потому что научно-исследовательские достижения, «загрузившие» вторую полку имели иную судьбу. Хотя со временем итоги исследований в некоторой степени устаревают, отчасти на них даже перестают обращать внимание, но, тем не менее, они в немалой степени сохраняют свою значимость. Причина этого в объективной силе фактов, получаемых при изучении природных явлений. При необходимости такие факты в любой момент могут быть очищены от библиотечной или архивной пыли, оценены по достоинству и использованы в ходе новых исследований».

Оценивая свою деятельность, профессор Л.А. Кудерский поставил сам себе отметку «удовлетворительно». Мне кажется, здесь Леонид Александрович несколько лукавит. А как же огромное число учеников, которые сумели защитить кандидатские и докторские диссертации под его руководством, а многочисленные ссылки на его труды, востребованные до сих пор, а позитивная реакция коллег по профессии на его работы в области практической ихтиологии?! По моему, он заслуживает оценку «отлично», которая всегда стояла в многочисленных дипломах Леонида Александровича Кудерского.

Доктор биологических наук, профессор А.А. Лукин